

УДК 821.161.1.09

Аношкина-Касаткина В.Н.

(г. Москва)

СТИХОТВОРЕНИЯ КОНСТАНТИНА СЕРГЕЕВИЧА АКСАКОВА¹

Аннотация. В статье рассмотрено почти не изученное поэтическое наследие К.С. Аксакова. Оно представлено как «громкая поэзия», гражданственно-патриотическая, православная в своих основах и вместе с тем обличающая натурализм в литературе и позитивизм в философии. В статье выявлено отражение в стихах споров славянофилов с западниками в 1840–1850-х гг. Анализ стиля стихотворений К. Аксакова содержит доказательство романтической сущности его творчества. Эта статья подтверждает острую актуальность поэтического творчества К.С. Аксакова в новом тысячелетии.

Ключевые слова: поэзия, патриотизм, народ, славянофильство, западничество, романтизм.

V. Anoshkina-Kasatkina

(Moscow)

CONSTANTIN AKSAKOV'S POEMS

Abstract. The article presents K. Aksakov's poetical heritage which is still not studied well enough. It is represented as a "loud poetry", civic and patriotic, and orthodox in its fundamentals but at the same time convicting naturalism in literature and wingless positivism in philosophy. The article reveals the way poetry reflected the disputes of the Slavophiles with Westerners in the 1840s – 1850s. The analysis of Aksakov's poems style contains the evidence of the romantic nature of his creative activity. This article confirms the urgency of KS Aksakov's poetry in the new millennium.

Key words: Poetry, patriotism, nation, Slavophilism, Westernism, Romanticism.

Можно сказать, что стихотворения Константина Сергеевича Аксакова получили свою общественную жизнь впервые на страницах газеты «Русь», издаваемой его братом Иваном Сергеевичем с конца 1880 г., на протяжении первой половины 80-х гг., включая первые месяцы 1886 г. [2]. Стихотворения К. Аксакова печатались в 1880 г. в № 1 [10, с. 1–22], № 5 [10, с. 1–21], № 6 [10, с. 1–20], № 7 [11, с. 1–19], № 8 [14, с. 1–23], в 1881 г. № 11 [15, с. 1–22], № 24 [16, с. 1–23], № 59 [17, с. 1–20], в 1882 г. № 1 [18, с. 1–23], № 2 [19, с. 1–23].

¹ Статья печатается при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-04-00033.

К.С. Аксаков (1817–1860) – достойнейший выразитель русских общественных умонастроений середины XIX в. Его публицистическая, литературно-критическая и поэтическая деятельность представляют собой полное единство. Художественное начало – органическое свойство аксаковской публицистики, а его стихотворения – это «поэзия мысли», гражданской, патриотической, народолюбивой. Как поэт он наследовал традиции великих русских стихотворцев – М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, А.С. Пушкина (но не В.А. Жуковского, поэтов его школы, К.Н. Батюшкова). «Громкая поэзия» первых, их звонкий четырёхстопный ямб – свойство стихотворного голоса К. Аксакова; ср.: «Царей и царств земных отрада – / Возлюбленная тишина...» (М.В. Ломоносов) [9, с. 83]; «Глагол времён! Металла звон!» (Г.Р. Державин) [8, с. 76], а А.С. Пушкина большой роман в стихах «Евгений Онегин» весь написан четырёхстопным ямбом. Следует признать этот размер классическим русским размером стихотворной речи. К. Аксаков тоже активно его использует, иногда чередуя с пятистопным, или даже шестистопным ямбом. Привожу примеры его четырёхстопного ямба: «Напрасно мысль горит и блещет...» («Толпе эмпириков»), «Не наша вера к вам слетела...» («Союзникам»), «Напрасно подвиг покаянья / Ты проповедуешь земле...» («Поэту Укорителю»), «Великий гений, муж кровавый...» («Петру»). Громкие, звучные ямбы преобладают в его стихах, нередко удлинённые его варианты из большего числа стоп перемежаются в поэзии К. Аксакова; хорей, амфибрахий, народный тонический стих не часто у него встречаются. Длинная стихотворная строка, обширное стихотворение, тяготеющее по масштабу обоснования развёрнутой главной мысли будто к поэме, но отсутствуют эпический сюжет, стиль повествования. Лирическая субъективная интонация господствует в стихотворениях. Однако лирика (как известно, субъективный род литературы) оказывается у К. Аксакова без «лирического Я». «Я» поэта почти нет в стихах, вместо него появились лирические «мы», «ты», «вы», критически оцениваемые «они». Разговорная интонация постоянна у него, поэт возражает, спорит, увещевает, пропагандирует, проповедует. Он даёт почувствовать, что владеет Истиной, его голос уверенный, он имеет право на обстоятельную аргументацию своей Правды. Эгоистическое «Я» демонстративно отвергнуто.

Отсутствие «лирического Я» отнюдь не отменяет яркой лирически субъективной окраски стихотворений, личность самого Константина Аксакова всегда видна, звучит «голос смелый и прямой». Его лирический образ возникает в эмоциональной экспрессии, страстной убеждённости, настойчивости возражений противникам, повторах главной идеи, воплощённой в художественно выразительных картинах, восходящих к «идеальному миру» поэта. Всё это отражает ситуации разговоров, споров славянофилов

и западников в 1840–1850 гг., к которым и относятся стихотворения К. Аксакова, опубликованные в «Руси».

Основные ценностные ориентации автора закреплены в его стихотворной лексике, словесных доминантах: «страна родная», «Русь», «Москва», «истины сиянье», «надежда, вера», «доблесть, добро, любовь», «высокое наслаждение», «свободное слово», «сила», «битвы святые», «борьба», «великий труд», «дело»; главные же символы у поэта – «свет», «луч», «заря», «красное солнце», «кресты и главы золотые» и подобные. Символика стихотворений восходит к идеалам славянофильства той поры, его христианским опорам.

В литературной критике тех лет ещё не утвердились теоретические понятия для определения направлений литературного развития. Однако «отрицательное направление» выделяли и к нему относили в кругу Аксаковых тех писателей, кто «копировал» действительность, создавая «дагерротипы», следовал «натуре» в её отрицательных и даже мелких проявлениях, кто подражал Э. Золя (имя этого писателя вспоминалось в таком контексте); критиковался натурализм. Что же противопоставлялось «отрицательному направлению»? В.Г. Белинский в 1840 г. выделял «натуральное» («реальное») или «сатирическое» и «идеальное» направления [7, с. 346–348], или точнее сказать, два способа образного изображения жизни в литературе. Понятие «идеальное» сближалось с обозначением «романтического» способа творчества. Однако по существу «реальное» и «идеальное» не могут противостоять и исключать друг друга в жизни и в литературе.

I

В эстетике братьев Аксаковых, о которых идёт речь, идеальность не противостоит действительности; идеалы конкретизируются. В стихах К. Аксакова «идеальный мир» получает обычно конкретно-историческое, картинное выражение. Рисуетса древнерусская старина, поэт вспоминает древние города, Киев и Новгород, последнему он посвятил специальное стихотворение. Больше всего этого поэта занимает великая столица средневековой Руси – Москва-матушка.

Высоко Кремль белеет над рекой,
Блещат кресты и главы золотые;
Колокола гудят – и торжества
Священного исполнен звук обильный,
И внемлет им, надежды, веры сильной
И жизни полная Москва!

1842 г. [2, с. 6].

Образ Москвы рисуется в различных вариантах: «Опять полна значением глубоким / Является великая Москва»; «И, избранница всей Руси / Поднялась Москва»; «Как в Москве, во стольном городе...»; «Москва за Русь восстала мочно, / Нет счёта порванным цепям, – / И стала материю точно / Она всем русским городам» [2]. Стихотворный образ Москвы находится у К. Аксакова в контексте его размышлений о роли этой столицы в противостоянии с новой, Петербургом; столицам посвящены и его статьи, написанные в 1856 г., а опубликованные тоже в газете «Русь» 1882 г. [17, с. 16]. Поэт видел в Москве, расположенной в отличие от Петербурга в центре Руси, выражение исторически осуществлённого опыта защиты интересов всей Руси, опыта её духовной жизни, её святых устоев. Отсюда образы-символы московских церковных колоколов, крестов и золотых куполов кремлёвских храмов. Подобная семантика этих образов у Пушкина, Лермонтова, была продолжена впоследствии Тютчевым, а особенно громко и настойчиво звучит в стихах К. Аксакова.

Не столько отдельные личности, сколько большие общественные образования, выразители патриотических настроений поэта, сделаны центром его стихотворений: он пишет о целых городах («Urbi» (граду): «Безмолвна Русь: её умолкли города, / В ней, в старину, вещавшие так сильно...» [2]). Поэта занимает состояние, судьба «родной земли» в целом; «О русская земля», – восклицает горестно поэт, уподобляясь древнерусскому автору, тоскующему о судьбах своей Земли из-за неразумного поступка князя. Русь представляется К. Аксакову в виде державного мощного корабля, покоряющего волны неизмеримого океана, ему не страшны тёмные глубины. Пока ещё «корабль» недвижим, но в воображении автора рисуется пушкинская картина, начинающегося движения корабля. «Куда ж нам плыть?» – спрашивал поэт-предшественник, думая о поэтическом творчестве, тоже патриотическом. К. Аксаков воспроизводит картину движения государственного корабля:

Он двинулся... идёт... Шумите, непогоды!
Вдали за ним исчез оставленный им брег,
Во след за ним кипят взволнованные воды,
И царственный его далёко виден бег.
1842 г. [2, с. 12].

Стихотворение «Сон», которое брат поэта, И.С. Аксаков, печатая в газете «Русь» в 1882 г., датировал тоже первой половиной 1840 гг., прибавлял, что поэт в то время усиленно занимался русскими летописями и деловыми старинными документами, был погружён в древнерусскую старину. К. Ак-

саков использовал в стихотворении сугубо романтический мотив сна-мечты, какого-то откровения-видения, посетившего юношу. Ему пригрезилась картина из жизни древней Руси.

Юноше видится:

И сходится много на площадь людей,
Которой гордится столица;
Одежды родные, и разум очей,
И древняя сильная лица!
На площади много народа стоит,
На вольном широком просторе;
Волнуясь, как море, народ говорит,
Шумят его речи, как море. [2, с. 14].

Собственно, в стихотворении рисуется идеал социального бытия, который поэт обнаруживает в древней Руси, тот принцип общественных отношений, который славянофил К. Аксаков утверждал в качестве главного-разумного: видно, представитель власти, почтенный «муж», «покидая свой дом», идёт на площадь, чтобы слышать и видеть свой народ, быть в единении с ним:

Он видит, он слышит – восторженный взор,
Восторженный слух, весь – вниманье!
Он видит Великий Народный Собор,
Он слышит его совещанье!

И солнце приходит стезёю своей,
Лучи рассыпая густые,
На белые стены, на пышных церквей
Кресты и главы золотые.

И сила, и доблесть, добро и любовь,
В великой воскресли державе,
И старые песни хвалебные вновь
Поются и Миру и Славе! [2, с. 14].

Восклицательной, восторженно одической интонацией закончилось стихотворение о русской старине. Оно воспринимается как антитеза оссианической «ночной поэзии», которую столь любили не только предромантики, но и романтики. В стихотворении «Сон» – солнечный пейзаж

и картина не «дикой» природы, а городской; видение, посетившее юношу (романтический мотив), лишено ночных страхов, призраков, каких-либо потусторонних существ – фантастики. У К. Аксакова иной тип романтики: его гражданственный романтизм устремлён к социальности и гражданственности, которые объединены в народолюбии поэта. Главная идея стихотворения: народ нужно видеть, слышать и уважать. С точки зрения поэта, соборная площадь – центр Древней Руси, и её нетленный духовный идеал – это не только «сила и доблесть», но и «добро и любовь», «Мир и Слава». Последнее слово в стихотворении, тоже написанное с заглавной буквы, было ассоциировано у К. Аксакова с названием нашего славянского рода-племени, он посвятил ему специальное стихотворение «К Славянам» (1850): «С залогом славы, но не бранной, / О, племя Славы ты стоишь...» [2]. Как и его младший брат, Константин выразил искреннюю симпатию к родственным народам и с сомнением спрашивал: «Всегда-ль к Европе суесловной / Прикован будет род Славян?». И он верил, что «скажет миру слово славы, / Еще неслышанное им!» [2]. Ведь прошлое содержит обещания будущему – тоже романтическая разгадка одной из «тайн» истории.

Романтический мир воспоминаний о старине, снов, видений и откровений лишён в рассматриваемых стихотворениях не только страшной фантастики, но и «любовного мотива» (а ведь сон снится юноше, в романтизме обычно влюблённому). Нет в его сне «прекрасной дамы» (приметы западного Средневековья), но есть «прекрасные девы». Их собирательный образ содержит характерные для романтизма К. Аксакова черты: внимание к внешнему их облику, одежде: они «в сарафанах блестящих», «в повязках» (известно, как сам Константин дорожил внешним обликом простого народа, сам не стриг бороды и носил крестьянский кафтан). И в стихотворении он счёл нужным упомянуть о «родных одеждах» народа. Но ещё важнее для поэта, что его «прекрасные девы» поют «песни родные», «родные несутся напевы». Песенный родной мотив и далее будет звучать в его стихах. А «Сон» отличается особой музыкальностью, стихотворение написано амфибрахием, трёхсложными, более протяжными, замедленно-напевными стихами по сравнению с «бойким ямбом». Хотя чаще К. Аксаков воспроизводил интонации разговоров, споров, страстной полемики.

В стихах поэта значительное место занимает понятие «дух народа», которое связано с «тайнствами» жизни, «глубоко-скрытых сил», «великого молчания», как бы объединённого с «великим трудом», лежащим в основе бытия:

Народа дух живёт, таяся,
Храня родное бытие.
И ждёт заветного он часа,
И вожденный час придёт,
И снова звук родного гласа
Народа волны соберёт... [2, с. 23].

Поэзия Аксакова – это своего рода народоведение, результат познания глубин народной души, размышлений поэта о ней, его стремлений к ясному видению путём объединения знаний исторического прошлого народа и предчувствий будущего. «Сухой душе» противостоит «живительный нрав», зов «земли родной», означающий надежду, веру и любовь – священные основы жизни Руси. У К. Аксакова народ – это не просто «население», не только те, кто «народился» на нашей Земле. В понимании поэта народ – важнейшая сущность, субстанция исторического бытия, он создатель Истории, выразитель её могущественных сил, её сокровенных потенций, позитивных возможностей и их свершений. «Русская земля» оказывается центральным понятием в размышлениях поэта. На родной почве произрастает любовь к Руси. Само слово «Земля» поэт в своих статьях отождествлял с «народом» и противопоставлял «Государству», обозначающему «Власть» [3, с. 11–15]. Без сомнения, видя социальную дифференциацию населения, он не говорил в стихах о разных его слоях, группах, он не выделял «элиты», даже конкретные русские князья и цари не появились в его стихах. Исключение составляет в основном критический образ Петра I («Великий гений, муж кровавый <...> в блеске страшной славы, с окровавленным топором...») и образ Александра II, конечно без отрицательного аспекта, но всё же с каким-то по-гоголевски «смехом сквозь слёзы». Написана псевдо-«Былина о народном пиршестве» 1856 г.: всё произошло во время коронации царя; придворные обманули одновременно и своего нового государя и народ, устроив «пиршество» с непригодными «яствами», гнилыми и засохшими, да к тому же политыми дождём. В своём примечании к «Былине...» И.С. Аксаков отметил, что эта «шутка в народном духе, конечно, никогда не предназначалась покойным автором для печати» [1, с. 56], но сам напечатал в газете «Русь».

С понятием «народ» = «Земля» больше всего связано у К. Аксакова представление о «простом народе», крестьянах и городском люде. У поэта есть напоминание о «тяжко стонущем народе», о крестьянах: «Вот добрались и до крестьян, / До величавого народа...» («Литераторы-натуралисты») [2, с. 54]; поэт критиковал писателей натуралистически отрицательно направления.

Народ великий в древней вере;
В себе, и не в одном, я слышу, русский дух –
Он распахнёт темницы двери!.. [2, с. 27].

Заглядывая в будущее, осознавая могущество народа как творца истории, К. Аксаков рисовал картины каких-то катаклизмов: «борьбу», «сильное... землетрясение»: «Потребен страшный огонь и вихрь, и разрушение, / Чтоб тина, спящая в постыдной тишине, / Преобразилась вся в живительном огне!» («Советы») [2], поэт видел возникновение «негодования». Однако подобная логика его мыслей, как бы предвосхищение некрасовских стихов, всё же не оказывается сутью размышлений К. Аксакова о народе. Любимая мысль этого поэта, неоднократно появляющаяся в его стихах, – блага социального единения, социальной гармонии:

Я верю: дело совершится,
Преобразим мы жизнь свою,
И весь народ соединится
В одну великую семью;
И дух един, и мысль, и слово
Нас вместе мощно обоймёт, –
И сила покаянья снова
Во всём народе оживёт! [2, с. 19].

Поэт имел в виду общественное «покаянье» прежде всего высших слоёв общества, соблазнённого иноземными западническими утехами ложного просвещения и забывшего русские исторические культурные традиции.

Итак, величавые, обобщённые и собирательные, образы в поэзии К. Аксакова – русских городов, особенно столиц, русского народа, Родной земли, святой Руси – доминируют, что составляет своеобразие и его творчества поэтического, и его социально-философского мышления.

Портреты отдельных людей редко встречаются в романтическом мире стихов поэта. Однако в сборнике поэзии (1909 г. издания) на первое место выдвинуты два персональных по своему адресу стихотворения – «А.Н. Попову» и «А.С. Хомякову». По жанру это скорее «послания», нежели «посвящения». К. Аксаков обращается в стихах к тому и другому старшему по возрасту единомышленнику; он, конечно, не наставляет их, помнит об их главенстве в сфере опыта и общей и идейной жизни, но в своих стихах поэт выразил близость, или даже единство убеждений. Кольцевая композиция послания «А.Н. Попову» (перед поездкой его в чужие края в 1842 г.) призвана подтвердить, даже утвердить-завершить мысль о природном, нравствен-

ном, историческом превосходстве «родной Руси», «с её привольем и пространством», «младою» красотой, «надеждой, верой», и самим «нарядом и убранством», превосходстве перед «чужими краями» – Западной Европой, и именно Германией. Однако о ней сказано много положительных слов, прежде всего связанных с личностью Гегеля (как полагает И.С. Аксаков [1, с. 5], и с ним следует согласиться). В 1830 г., учась в университете, К. Аксаков и его друзья увлекались философией этого немецкого мыслителя, спорили об истолковании его тезиса: «все действительное разумно, и все разумное действительно». Поэт называет философа «героем Германии», в которой «сиял» его «ум», назвал его «цветом» самой жизни, «дивным», выразителем «Германского духа», лучшим и сильнейшим. Поэт не скупился на похвалы, получился у него почти панегирик в честь Гегеля. Однако автор говорит о прошедшем времени, а в настоящем – он видит толпу «пигмеев», «крик и брань в стране возникли той...». Можно усмотреть в этих суждениях К. Аксакова какое-то предчувствие европейских событий революции 1848 г., к которым он как славянофил относился крайне отрицательно и противопоставлял как Ф.И. Тютчев, как В.Н. Жуковский и др., волнам революции, идущей с Запада, державный «утёс» Москвы и её «стены».

То же и «Первое мая. А.С. Хомякову, в день его рождения» – это послание-посвящение идейному единомышленнику и другу.

Теперь поэта волнует проблема, так сказать, «отцов и детей» (до тургеневского романа осталось менее двух десятилетий), проблема, актуальная во все времена: что значит «новое поколение»? Что оно наследует, с чем порывает? С другой стороны: «Отцы» старики ушли ли в прошлое? Нужны ли они современности? Не следует ли их забыть и отказаться от их устаревшего наследства? По существу в стихотворении поставлена историософская проблема связи времён. «Всё течёт, всё изменяется, и в один и тот же поток жизни дважды войти невозможно», – считал великий философ языческого древнего мира Гераклит. – «Не всё, что здесь цвело, увянет; не всё что было здесь, пройдёт», – убеждал христианин, гениальный поэт Тютчев. Проблема «тайн» истории свойственна и романтикам, и реалистам. К. Аксаков ставит её, скорее, на реалистическую почву, говоря о конкретном человеке, которого хорошо знал, близкому по кругу общения. Поэт, в диалоге с ним заявлял о правде не мечты, а самой жизни, о положительном смысле жизненного опыта реально-го человека. Поэт восхищается тем, что глубокоуважаемый его старший друг в жизни ориентируется не на «временные», «упоения» быстротечной молодости, а дорожит вечными ценностями: «высокими наслаждениями», «негибнущими» надеждами, «благими делами». Они не утрачивают своего значения. Поэт утверждает мысль о связи времён на основе благой деятельности людей, нет разрыва между поколениями, которые служат высокой Истине:

Понятно вам, что нынешнее время
В груди своей невидимо таит.
И ласково вы руку подаёте,
Не снисходя, не уступая нам:
Вы сами той же жизнью живёте,
И наше время также близко вам. [2, с. 8].

И ещё:

И голос современный вечно
Вам будет внятен и знаком. [2, с. 8].

А в стихотворении «Семилетнему Л-у» (1847) поэт сказал в ответе на стихи мальчика:

Мне дорог детский твой привет –
Я вижу в нём связь убеждений,
Идущих друг за другом вслед,
Разновременных поколений. [2, с. 29].

Истина и Добро побеждают Время.

И, наконец, ещё один аспект аксаковского народоведения – проблема «личность и народ» в стихотворении «Гуманисту» («Ты – эгоист, хотя бы наслажденья / Высокия испытывал твой дух...») [2]. С первых строк произведения поэт обличает того, кто погружён в себя, его внешнее чуть ли не показное прекраснодушие не отменяет его эгоизма. К. Аксаков рисует портрет, подобный тургеневскому Рудину и сходный с тем, который создал его брат Иван в стихотворении «К портрету» (1846): «Они речь умную, но праздную ведут; / О жизни мудрствуют, но жизнью не живут...». Константин же критиковал «единение» мечтателя, безучастного к бедам людей, пусть и мыслителя, но не понимающего «общего стремления», переполненного лишь «своей тоскою».

Оставь же свой отдельный мир страданья <...>
Величествен является народ!
Скорбь общая и общая невзгода
Тебе твои страданья заменят, –
Сильней всего великий глас народа,
Пред ним твои все вопли замолчат!
Пойми себя в народе! [2, с. 35].

Так решается проблема соотношения реальной и душевной жизни отдельного человека и жизни всего народа. Этический приоритет принадлежит народу, и единение с ним в свободном волеизъявлении, особенно и прежде всего в своих делах – истинное назначение каждого нравственного человека, подлинного «гуманиста» не на словах, а на деле. Братья Аксаковы уже в 1840 гг. были единомышленниками в главных выводах своей социальной этики.

II

Активная творческая деятельность К. Аксакова, развернувшаяся в 1840–1850 гг., в общем соответствовала состоянию русской литературы того времени – интенсивного взаимодействия романтизма и реализма. Этот процесс особенно впечатляюще представлен в творчестве М.Ю. Лермонтова, которое именно в 40–50 гг. было чрезвычайно влиятельным; романтическое наследие 1830 гг., также и поэзия Н.М. Языкова, Ф.Н. Глинки, жило и в последующих десятилетиях. Романтизм сказывался в творчестве и только входящих в литературу прозаиков и поэтов – И.С. Тургенева, А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова. Подобный контекст поэзии К.С. Аксакова во многом позволяет осмыслить эстетические основы его творчества.

«Все мы вышли из гоголевской шинели», – принято было утверждать. Имели в виду истинный гуманизм Н.В. Гоголя, его сочувствие «маленькому человеку», его бытовой антураж и простонародную «разговорчивость», смешную и грустную одновременно, а также гоголевский синтез романтизма и реализма «Петербургских повестей» и «Мёртвых душ». Писатель скончался в 1852 г., и самая личность его, творческая эволюция были загадочны, непонятны, по-романтически таинственны. С.Т. Аксаков долгое время не понимавший изменений Гоголя в 40 гг., даже конфликтовавший с ним, в конце концов, признал любимого писателя «святым».

Единение двух направлений в поэзии К. Аксакова очевидно, но своеобразно. Понятие «романтизм» им не употреблялось, как и «реализм». Однако он размышлял одновременно с его тоже молодыми единомышленниками о соотношении «разумного» и «действительного» (см. споры о Гегеле той поры). О значении «разума», «мысли» как положительных началах он упоминает неоднократно, даже посвятил специальное стихотворение «Разуму». Слово «действительность» тяжеловесно для поэзии, это скорее философское понятие, даже термин. В стихах К. Аксаков его не употребляет и заменяет всем понятным, прекрасным и богатым значением русским словом «жизнь».

Она весьма привлекает поэта, и он стремится её понять и в положительно-идеальных проявлениях (слово «идеал» входит в его поэтический лексикон), и в отрицательных. Об «отрицательном направлении» в литературе 1850 гг. он писал в своих статьях того времени, также и в стихах он как поэт–литературный критик отозвался на него в стихотворении «Литературные натуралисты» (1856):

«Не уходи, о ближний мой!
Дай поглядеть тебя, постой!
Сберу я авторский оброк,
Весь у меня пойдёшь ты впрок;
Все жилки на твоих щеках,
Все волоски в твоих бровях,
Углы опущенные губ,
Язык твой прыток или туп,
Картавишь ты, иль шамшишь, брат.
Присловий нет ли? (вот где клад!) <...>
Так от меня ты не уйдёшь
И место в повести найдёшь». [2, с. 55].

К. Аксаков – насмешливо-жесткий критик и в стихах. Ясно, что он ценит и что не приемлет: вместо проникновения в глубины жизни, её «тайны», вместо сочувственного понимания сложностей души изображаемого человека, или творческого осмысления «духа мира» (и это понятие есть в его стихотворении), равнодушные к жизни писатели-натуралисты бродят по поверхности, лишь «покров бездушный» они способны увидеть. При том, «как полицейский», писатель ищет и находит для своей повести или романа лишь дурное, лишь отрицательные проявления, чтобы судить и осуждать человека и самую жизнь, не гнушаясь даже мелочами. Как видно, литературный критик – сторонник углублённого психологизма и целостного, сущностного философского постижения бытия в художественном творчестве. Поэт-критик сравнил писателя-натуралиста с «поющим канюком» [21, с. 1309]; «канюк – хищная птица, похожая на ястреба, крик которой напоминает плач (зоол.)»; ещё одно определение там же: «род филина» [21, с. 1309]). К. Аксаков не назвал в стихотворении фамилий писателей, но в критической статье того же времени он выразил неудовлетворение творчеством А.Ф. Писемского, некоторых других, требуя глубины, содержательности и выявления позитивных истоков и сил социальной жизни [5, с. 1–59].

Сам К. Аксаков в собственной поэзии отнюдь не чужд прикосновений к «отрицательному направлению» в литературе той поры. Реалистическое

как правдивое, соответствующее действительности постижение жизни было ему свойственно. Он видел опасные проявления и тенденции в современном ему обществе. Одно из наиболее сильных, значительных в этом отношении – его стихотворение «Лже-дух» (1855). Вообще тема опасности Лжи в жизни не только отдельного человека, но и целого народа, или даже народов мира всегда его занимала, как и его младшего брата. И.С. Аксаков несколько позже ударно сформулировал свою оценочную мысль о современности: «сплошного зла стоит твердыня, / Царит бессмысленная Ложь!» («Пусть гибнет всё, к чему сурово...» 1849). В стихотворении К. Аксакова Ложь – «тёмная сила», демоническая. Её опасность, её способность победы над Правдой состоит в том, что Ложь выдвигает перед собой «подобия» правды. Эти «лжеподобия» поставлены рядом со святыми основами жизни: рядом с верой, надеждой, любовью, самим Добром, Истиной и даже Богом. «Лжеподобия» стремятся их заменить к у м и р о м, любовной чувственной страстью, различными «инстинктами» по своей природе эгоистическими; они полагаются не на Божественную добрую Волю и Спасение человека, а на самолюбивую гордыню, властолюбие, агрессивную жестокость, безжалостное отношение и к отдельному человеку, а могут – и к целому народу. Ложь – губительная сила, заразная болезнь человеческого рода, который по своей греховной природе может оказаться во власти «лжеподобий». Поэт выдвигает социально-нравственную задачу преодоления Лжи.

В своих стихах он постоянно обращается к мысли о победе над ложью, о способах её преодоления, избавления от этой грозящей опасности: хотя «могуществен соблазна древний глас», ему нельзя поддаваться и обольщаться: «Ты обличишь во лжи, и призрак пропадёт», «создания лжи, дела насилья / Падут, рассыплются во прах!»; «Всё отпадёт, что было лживо / Любовь все узы сокрушит...» [2]. Поэт знает о самодовольстве Лжи, многочисленность её поклонников укрепляет её самомнение: «Неправду видишь ты со всех сторон и гордо / Она чело несёт, ногой ступает твёрдо...», но «Не примиришься ты удобно или ложно, – / Терпенье тяжело, уступка невозможна!» [2]. И, наконец, поэт заявляет о главном способе, средстве победы над Ложью – «Свободном Слове»!

Ты гонишь невежества ложь,
Ты всякою жизнью ново,
Ты к свету, ты к правде ведешь,
Свободное слово!

Лишь духу власть духа дана –
В животной же силе нет прока:

Для истины – гибель она,
Спасенье – для лжи и порока;
Враждует ли с ложью – равно
Живит его жизнь новую...
Неправде – опасно одно
Свободное слово!
<...>
О слово, дар Бога святой!..
Кто слово, дар божеский свяжет,
Тот путь человеку иной, –
Путь рабства преступный укажет.
На козни, на вредную речь
В тебе-ж и целенье готово,
О, духа единственный меч,
Свободное слово!

1853 г. [2, с. 42–43]

Ещё один важный и характерный для славянофила К. Аксакова аспект размышлений и его единения с «отрицательным направлением» в литературе – критика западничества. Старинная проблема русской литературы, ещё XVIII в., – осуждение галломании, англomании, вообще низкопоклонства перед Западной Европой; проблема сохраняла свою актуальность и в XIX в. У К. Аксакова получился целый цикл стихотворений, посвящённых осуждению низкопоклонства перед иностранщиной и недооценке родного государственно-культурного наследия, – это три больших стихотворения: «Поэту Укорителю» (1845), «Возврат» (1845), «Петру» (1845). Они связаны одной идейно-нравственной задачей: утверждением приоритета родной культуры, исторического духовно-социального наследия, а отказ от него осмыслен как «измена» Родине. Находятся идейные «укорители», которые лукаво требуют от России «покаяния». Вместо того, чтобы самим покаяться в лицемерии, да и других грехах, ведь натура человека греховна, и Россия уже со старых времён умела каяться: «С смиреньем Господа молила / И слёзы горькие лила». Но «укоритель» умалчивает о главном нашем грехе – пренебрежении «Родным» и преклонении перед «чужеродным»:

Ты видишь блеск чужих одежд,
Ты слышишь звуки речи чуждой
Сих образованных невежд;
Ты видишь гордость снисхожденья
И лоск заемный чуждых стран,

И пышный блеск благотворенья,
И спесь учёных обезьян... [2, с. 18].

Вместо того, чтобы упрекать народ в невежестве, превознося западное просвещение с его «утехами», «укорители» должны думать о служении страдающему народу и покаяться в своей «постыдной измене» Родине – Руси. «Наш тяжёлый грех» – отчуждение от Родины, разрыв корней жизни, отказ ложно просвещённого слоя «учёных обезьян», «образованных невежд» от духовных социально-исторических русских традиций. В стихотворении «Возврат» поэт, продолжая развивать главную идею, тем не менее, выражает оптимистическую уверенность в осуществлении «возврата» к «Земле родной». Он почти цитирует знаменитое древнерусское произведение «Слово о полку Игореве», в котором князья русские готовы и «постоять» за Землю русскую, и «лечь» за неё костями, свою «голову сложить», а в стихах поэта XIX в. звучит: «Мы радостно готовы стать и лечь» за неё же. Что имел в виду К. Аксаков, говоря о «возврате»? Он обращался к своим друзьям-единомышленникам: «Друзья, друзья! Теснее в круг сомкнёмся <...> / Любя одно, стремяся к одному!» [2]. Он мыслил о «Земле родной», считая, что именно «Восток горит», там «скоро солнце красное взойдёт». А на Западе «растёт мрак». Таковы предчувствия русских славянофилов-русофилов 1840 гг., выразителем убеждений которых был К. Аксаков.

Последнее в «цикле» стихотворение «Петру» находится в сложных отношениях с традициями понимания роли личности Петра I в русской истории. К. Аксаков смело, как «молодой ещё тогда автор» (так оговорился И.С. Аксаков в своём примечании к стихотворению [1, с. 22]) разрывает с мнениями XVIII в. поэтов, воспевавших дело Петра и личность императора как просветителя России. Для поэта нового века он не только «Великий», но и «муж кровавый», наделённый «страшной славой», был далёк от народа, окружённый «чужестранною толпой». К. Аксаков не мог не знать мнений А.С. Пушкина, для которого Пётр I – «Великий» государь, и этот поэт, русский гений, гордился родословными связями не только со старинным русским боярством (с отцовской стороны рода Пушкиных), но и с какой-то трогательной проникновенностью изобразил отношение могущественного царя к своему воспитаннику арапу Ибрагиму в романе «Арап Петра великого» (эта линия материнских связей тоже была дорога Александру Сергеевичу). Однако со временем, уже в 1830 г. Пушкин всё более охладевал к Петру, видел тёмные стороны его деятельности, его жестокости «хозяина» земли русской, отсутствие заботы о нуждах простых людей. Выбор места для столицы выглядит в «Медном всаднике» скорее неудачным по природ-

ным условиям, хотя поэт и признавался в любви к Петербургу. К. Аксакову ближе поздний Пушкин, новый поэт делает новый шаг на пути к критическому осмыслению деятельности знаменитого царя. Его мысль о просвещении – великая, но не опираясь на народ, находясь вне его забот и тревог, даже «не зная» его, глава государства «духом движется чужим». Царь, «Русь ты смял», – говорил поэт. Однако К. Аксаков верит в восстановление народных сил, в будущее цветение России и в народное прощение великого, но жестокого правителя.

III

Определяя место стихотворений в общем наследии К. Аксакова, следует всё-таки признать [6, с. 1–526], что оно не было центральным по сравнению с творчеством прозаическим: научным филологическим, публицистическим, литературно-критическим, разнообразным и всегда связанным с философскими обобщениями, отдельными выводами и суждениями. Не случайно И.С. Аксаков обратил внимание на то, что в первом своём стихотворении, адресованном А.Н. Попову, его брат восхваляет Гегеля (хотя и не назвал его). Философские увлечения Константина были известны его младшему брату. Стихотворения Константина Сергеевича не выделились в главную сферу его деятельности на всём протяжении жизненного пути, как то было у старших поэтов его времени: К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева или Д.В. Давыдова; для них – «жизнь и поэзия – одно», «живи, как пищишь». Их биографии можно воссоздавать по их стихотворчеству. Тем не менее, лирическая поэзия К. Аксакова – значительнейшее проявление его духовно-социального бытия, глубоких, дорогих ему интеллектуально-нравственных, гражданственных, религиозных переживаний. К. Аксаков – поэт мысли, философ в русской социологии и историософии. С самого начала своей поэтической деятельности он определился как противник «эмпиризма», в первой половине 1840 гг. написано им стихотворение «Толпе эмпириков», в котором он назвал их «близоруками»; они предпочитают «осязательное» восприятие жизни – чувственный опыт. Но такое её познание поэт считает сумеречным; эмпирики, опираясь лишь на собственный опыт существования, оказываются в плену «призрачного» бытия, в плену «теней» – кажущегося, и не истинного. Поэт порицает подобный путь познания за утрату Истины. Его стихотворение и есть утверждение, даже прославление её. Средство человеческого приобретения знаний есть не «позитивный» личный опыт (эмпирика), а мыслительная деятельность. Перед толпой эмпириков «напрасно мысль горит и блещет», её «свет», «неотразимый свет», её «сияние», её «лучи» их пугают, ослепляют;

«вечной истины сиянье» разгоняет «бред рассудка», «призраки» эмпиризма, чувственного восприятия материи жизни. Поэт различает понятия «разум» и «рассудок». Последний – имеет дело с кажущимся, осязаемо-опытным; первый – способен постигать Истину в её «вечном сиянии». Так К. Аксаков высказывался в первом стихотворении с гносеологической темой своих размышлений.

С этого убеждения поэт начинал свою поэтическую деятельность. К её концу, философствуя, углубляя свою гносеологию, он развёртывает и уточняет проблему в специальном стихотворении «Разуму» (печатается без даты, но в контексте поэзии второй половины 1850 гг.): «разум, ты паришь над миром, / Всюду взор бросая свой, / И кумир вслед за кумиром / Низвергаются тобой» [2]. С первой строфы стихотворения поставлена тема «кумиров». Известна великая христианская заповедь о важности не сотворения себе кумиров. Разум человека способен их низвергать, т. е. разоблачать лжеистины, лже-идеалы. К. Аксаков знает о пагубности «Лже-духа»; мысли, высказанные в стихотворении о нём, повторяются и варьируются в новом – «Тени»; по-видимому, предшествовавшему «Разуму», Поэт связывает появление на Руси «теней» с эпохой Петра I; с той поры они начали размножаться, творя свой, стоящий рядом с истинным, «Лже-мир», ложное, «призрачное» подобие истинному русскому миру. Стихотворение будто снова направлено против западничества в России. Однако в «Тенях» обнаруживается и новая тенденция – критика просвещения. «И просвещения лучами свой греют хлад...». Эти «тени», какие-то фантазмагории, бредовые образования, ложь, мешающие народу познавать истинный смысл жизни. Оказывается «тени» используют просвещение...

В стихотворении «Разуму» поэт-мыслитель договаривает то, что ещё не было до конца сказано им. Человеческому разуму многое доступно, но не всё. По ходу мыслей поэта получается: разум человека подобен древнему титану, одному уцелевшему до сих пор, – «горделивейшему титану!». Человеческий разум многое может: он обращает «мысли в дело», а «дело в мысль переводя». Поэт отметил и положительно оценил созидательно-разумную деятельность людей. Вместе с тем поэт-философ указал на ограниченные её возможности. Человеческий анализ бытия («Рассекая жизнь на части / Лезвием своим ума, / Ты мечтаешь, что во власти / У тебя и жизнь сама» [2]) дал результат – «умерщвление» жизни, а не раскрытие её «тайн». Познание – это ещё не творчество. Человеческие знания, достигнутые с помощью человеческих усилий ума, не поднимаются до божественного творения бытия: «Постижение – до творенья / Не достигнет никогда». Поэт учит возгордившегося человека: «В битву с небом не ходи! / Перед таинством святыни, / перед Богом в прах пади!» («Разуму») [2].

В своих социальных, историософских представлениях, выраженных в стихах, в своих убеждениях, всё более твёрдых и по существу окончательных, он исповедовал религиозную, мистическую христианскую Истину. В этом он обретал душевно-духовную гармонию и высшую радость – «веселье духа» («Веселье»).

1858-м г. помечено его последнее стихотворение; оно было адресовано Александру II, принявшему царскую власть, однако по существу К. Аксаков имеет в виду и весь народ России:

В Россию веруя, на бой с лукавой ложью
В честь правды и добра, без страха Ты идёшь.
Верь в истину и свет, любя свободу Божью, —
Свет нужен истине, мрак прикрывает ложь!
Любовь и истину дать Русь Тебе готова;
Любовь и истина надёжней всяких уз.
Ты возвратишь, о Царь, земле свободу слова,
И Бог благословит с народом Твой союз!
1858 г. [2, с. 72].

Поэт верит в социальную гармонию, основывающуюся на христианской религиозности.

Заключение

К.С. Аксаков – самобытный талантливый поэт, стихотворное наследие которого великолепно отразило его незаурядную, активно действующую личность в России 1840–1850 гг. Возвышенные социально-патриотические, народолюбивые настроения и убеждения вдохновляли его на создание стихов. Принадлежность к одному из наиболее уважаемых, авторитетных литературных гнёзд той поры – Дому Аксаковых, возглавляемому наделённым безупречной нравственной репутацией Сергеем Тимофеевичем, отцом знаменитых братьев, Константина и Ивана, – и эта привязанность сделала их образцом русской духовно-интеллектуальной образованности. Настойчиво, неуклонно утверждаемый идеал «сияния Истины», связанной с Добром, Любовью и Верой, восходящими к глубинным, исходным нравственным потребностям духа Народа – главный смысл поэзии К. Аксакова. Вместе с тем он в стихах выступает и как насмешливый критик литературного поверхностного «натурализма» (смеха как шутовства), близорукого, боящегося проникновения в социальную суть. Именно К. Аксаков (никто другой из поэтов) выступил смелым, боевым обличителем большой Лжи,

стремящейся овладеть народами и государствами и подменить собой христианские заповеди об Истине спасения человека и человеческого рода от Лже-духа. Демоническая Ложь апеллирует к «животной силе» инстинктов – агрессии, жестокости, злодействам, неправде. Ложь опасна в своей антихристианской сущности. К. Аксаков – певец радости социальной гармонии единения Народа.

Духовное наследие К. Аксакова, его вклад в русскую поэтическую философию, заслуживает долгой жизни в истории русской литературы и в целом русского общественнознания.

Литература:

1. Аксаков И.С. <Примечания> // Стихотворения Аксакова К.С. М., 1909. 72 с.
2. Аксаков К.С. Стихотворения. М.: Тип. «Об-ва распротр. полезных книг», 1909. 72 с.
3. Аксаков К.С. Семисотлетие Москвы // Аксаков К.С. Сочинения исторические. Т.1. М., 1861. С. 598–605.
4. Аксаков К.С. «О внутреннем состоянии России»: Записка // Русь. 1881. № 25. С. 12–14.
5. Аксаков К.С. Обзорение современной литературы // Русская беседа. М.: Типография Александра Семена, 1857. Т. 1. Кн. 5. С. 1–39.
6. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. 527 с.
7. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1982. 783 с.
8. Державин Г.Р. Сочинения. Л., 1987. 503 с.
9. Ломоносов М.В. Сочинения. М., 1984. 444 с.
10. Русь. Еженедельная газета. 1880. № 1. М.: Типография М.Н. Лаврова и Ко. № 1. 22 с.: ил.
11. Русь. Еженедельная газета. 1880. № 5. М.: Типография М.Н. Лаврова и Ко. № 5. 21 с.: ил.
12. Русь. Еженедельная газета. 1880. № 6. М.: Типография М.Н. Лаврова и Ко. № 6. 20 с.: ил.
13. Русь. Еженедельная газета. 1880: № 7. М.: Типография М.Н. Лаврова и Ко. № 7. 19 с.: ил.
14. Русь. Еженедельная газета. 1880: № 8. М.: Типография М.Н. Лаврова и Ко. № 8. 23 с.: ил.
15. Русь. Еженедельная газета. 1881: № 11. М.: Типография М.Н. Лаврова и Ко. № 11. 22 с.: ил.
16. Русь. Еженедельная газета. 1881: № 24. М.: Типография М.Н. Лаврова и Ко. № 24. 23 с.: ил.
17. Русь. Еженедельная газета. 1881: № 59. М.: Типография М.Н. Лаврова и Ко. № 59. 20 с.: ил.
18. Русь. Еженедельная газета. 1882: № 1. М.: Типография М.Н. Лаврова и Ко. № 1. 23 с.: ил.

19. Русь. Еженедельная газета. 1882: № 2. М. Типография М.Н. Лаврова и Ко. № 2. 23 с.
20. Стихотворения А.С. Хомякова и К.С. Аксакова. СПб., 1913. 178 с.
21. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М., 1938. 1566 с.